

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ В США: КРИТИКА С ПОЗИЦИЙ АБОЛИЦИОНИЗМА

Политика контроля над преступностью в США подвергается серьезной критике со стороны как представителей традиционной криминологии, так и критических криминологов, особенно со стороны аболиционистов. Представители этого направления считают, что серьезную проблему для общества представляет репрессивный, карательный, жесткий контроль государства над преступностью. Аболиционизм призывает к «депенализации» и декриминализации, предлагает использование различных общественных ресурсов для противодействия преступности, а также неформальных, интегративных форм контроля.

A. Smorgunova

CRIME CONTROL POLICY IN THE US: ABOLITIONIST CRITIQUE

Crime control policy in the US is being criticized by traditional as well as critical criminologists, especially abolitionists. Representatives of this trend believe that repressive, penal, harsh crime control strategies used by the state pose a serious threat to the society. Abolitionists call for depenalization and decriminalization and suggest the use of various public resources for the purposes of crime prevention and adaptation of informal, integrative methods of crime control.

Одним из основных объектов анализа в традиционной криминологии является проблема контроля над преступностью. Этот вопрос не был оставлен без внимания критических криминологов (радикальных, постмодернистских, феминистских). Более того, государственная политика по противодействию преступности была, пожалуй, одной из наиболее важных тем, обсуждавшихся в рамках критического направления. Оно подвергает серьезному анализу и критике методы государственного воздействия на преступность, используемые в США. Отрицательную оценку получают такие стратегии борьбы, как война с наркотиками, нулевая толерантность (*zero tolerance*), приведшие к широкому применению судами определенных принципов назначения наказания: «соверши три преступления — отправляйся в тюрьму» (“*three strikes and you’re out*”), соответствия наказания совершенному преступлению (“*truth in sentencing*”). Некоторые исследователи отмечают, что применение на практике таких подходов, возможно, и привело к снижению уровня преступности в США в 90-е годы¹, однако одновременно вызвало значительный рост количества заключенных, большинство из которых принадлежат к низшему слою общества, являются представителями национальных меньшинств. Этот факт позволил объявить политику в области противодействия преступности дискриминационной в отношении широкого круга наиболее социально незащищенных граждан. Ряд ученых в своих исследованиях отдельно затрагивают проблему так называемого «тюремного индустриального комплекса», критикуя существование частных тюрем и использование труда заключенных частными корпорациями.

Безусловно, анализ современных тенденций контроля над преступностью в критической криминологии связан не

только с критикой карательной направленности уголовной политики. Практика предупреждения, профилактики преступного поведения, имеющая целью предоставление безопасности (способным платить за эти услуги) также становится объектом осмысления. Критические криминологи утверждают, что в связи с распространением новейших подходов к предупреждению преступности, связанных с осуществлением ситуационной профилактики, с вовлечением частного капитала в сферу обеспечения безопасности, безопасность становится благом, доступным лишь наиболее привилегированным и финансово обеспеченным слоям населения².

В 1970-80-е годы XX века возникло и получило распространение одно из наиболее влиятельных направлений в критической криминологии — *аболиционизм* (*abolitionism*). Существенный вклад в его развитие внесли не англо-американские криминологи, а европейские — норвежец Н. Кристи и голландец Л. Хулсман, хотя сам термин «аболиционизм» был позаимствован из американского антитюремного движения. Идеи европейских аболиционистов во многом повлияли на развитие криминологии в других странах, в том числе и за пределами Европы, поэтому нам представляется необходимым дать им более подробную характеристику.

Корни этого направления, так же как и корни других теорий критического характера, лежат в идеях символического интеракционизма и марксизма. Кроме того, большое значение на развитие аболиционизма оказали теория власти М. Фуко и его анализ проблем наказания. Одним из первых комплексных исследований проблемы наказания была его работа «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы», опубликованная на английском языке в 1977 году. Интересно, что в те же 70-е годы появляется и

статья Т. Матисена, посвященная проблеме «кризиса наказания» и заложившая основы аболиционизма³. Хотя Д. Янг заявляет о том, что проблемы, затрагиваемые Фуко, и его методологический подход к их анализу к тому времени уже не были новы для криминологов⁴, это не умаляет значимости идей Фуко, высказанных о природе наказания, и того влияния, которое эти идеи оказали на представителей критического направления.

Фуко исследует проблему генезиса власти на протяжении XVII–XIX веков, ее радикального изменения, превращения из репрессивно-абсолютистской, которая использовала прямое карательное воздействие на человеческое тело для достижения своих целей, в иной вид — во власть дисциплинарную, являющуюся всеобъемлющей «властью над живым как биологическим видом». В. Г. Ледяев считает, что под дисциплинарной властью Фуко понимает власть, которая трансформирует людей в объекты с помощью «дисциплин», присущих психиатрии, медицине, криминологии и социальным наукам⁵. При этом, пишет Д. Вест, опираясь на слова Фуко: «Медицина развивается бок о бок с рождением клиники. Криминология появляется как научное лицо тюрьмы. В каждом случае “науки о человеке” включены в беспрецедентную экспансию “дисциплинарной” власти, развертываемую в процессе деятельности как государственных, так и негосударственных институтов»⁶.

В рамках данной концепции власти М. Фуко исследует проблему наказания и смертной казни как одной из его форм. Он делает вывод, что разнообразные технологии наказания на протяжении различных исторических периодов в большинстве случаев зависят не от характера и тяжести совершенного преступления, а от потребностей обществ

поддерживать необходимый режим властных отношений⁷. В зависимости от изменения политических, экономических, социальных условий власть использует те или иные способы воздействия на политическое тело индивида, обеспечивающие такое его функционирование, которое наилучшим образом поддерживало бы отношения властвования. При этом Фуко определяет политическое тело как «совокупность материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания»⁸.

Реформы, направленные на гуманизацию законодательства, отказ от жесточайших видов наказаний являются отражением новых стратегий практического отправления власти наказывать, направленных на то, чтобы сделать наказание упорядоченной, регулярной функцией; сделать его равным, универсальным и неизбежным, тем самым глубже внедряя в тело общества власть наказывать. М. Фуко определяет наказание как «обобщенную функцию, сопряженную со всем телом общества и с каждым его элементом»⁹.

Философ не обходит вниманием проблему меры и пользы наказания. Он показывает эволюцию роли наказания от урока, примера, призванного возместить тот ущерб, который причиняется обществу преступлением до экономического и эффективного инструмента, способного распространиться по всему телу общества и тем самым уменьшить число преступлений (или «противозаконностей», по терминологии М. Фуко). Институт наказания он рассматривает как социальный феномен, не связанный напрямую ни с юридической структурой общества, ни с проблемой морального выбора.

Особое значение Фуко придавал изучению такого вида наказания, как тюремное заключение. Он приводит ряд положений, в которых выражаются недостатки тюремного заключения¹⁰:

- тюрьмы не снижают уровень преступности;
- тюремное заключение порождает рецидивизм;
- тюрьма производит преступников посредством самого образа жизни, который навязывается осужденным, а также потому, что принуждает узников; вся ее деятельность протекает в форме злоупотребления властью;
- тюрьма делает возможной и даже поощряет организацию среды преступников, солидарных друг с другом, признающих определенную иерархию и готовых к сообщничеству в любом будущем преступлении;
- условия, в которых оказываются узники после освобождения, обрекают их на повторение преступления;
- тюрьма косвенно производит преступников, ввергая в нищету семью заключенного.

М. Фуко подчеркивает, что все недостатки, достоинства, реформирование тюремного заключения представляют собой синхронную систему, включающую в себя четыре элемента: «дисциплинарное “дополнение” тюрьмы — элемент сверхвласти; производство некоей объективности, техники, пенитенциарной “рациональности” — элемент вспомогательного знания; фактическое возобновление (если не усиление) преступности, которую тюрьма призвана уничтожать, — элемент обратной эффективности; наконец, повторение “реформы”, которая, несмотря на ее “идеальность”, изоморфна с дисциплинарным функционированием тюрьмы, — элемент утопического удвоения»¹¹.

Недостатки тюрьмы, похоже, изначально заложены в ее природу и явля-

ются необходимыми для функционирования дисциплинарной власти, а наказание в форме тюремного заключения имеет целью не искоренение преступности, а различение правонарушений, распределение их по видам, вписывание нарушений закона в общую тактику подчинения. Тюрьма, приходит к выводу М. Фуко, производит некую полезную делинквентность, политически и экономически менее опасную, чем неконтролируемая. В чем заключаются преимущества такой делинквентности? Прежде всего, ее можно контролировать, создавать менее опасные формы, с ее помощью можно воздействовать на другие противозаконности, блокировать их или удерживать на довольно низком уровне. Существование запретов порождает поле противозаконных практик, которые, будучи организованы в форме преступности, позволяют осуществлять над собой контроль и извлекать незаконную прибыль¹².

Осуществление отграничения одного вида противозаконности от других невозможно без наличия надзорного, полицейского аппарата, собственно тюрьмы и, конечно, судебной машины — эти три элемента обеспечивают существование друг друга и преступности.

Фуко приходит к выводу, что проблемы, связанные с постоянно критикуемой тюрьмой, заключаются не в том, может ли тюрьма исполнять функцию исправления и кто должен на практике обеспечивать ее реализацию, а в резком возрастании механизмов нормализации, позволяющих власти проникать во все более обширные сферы деятельности общества и контролировать их.

Концепция наказания М. Фуко, его критика смертной казни и тюремного заключения позволяют по-новому осмыслить проблемы уголовной репрессии как одной из форм контроля преступности, поставить вопрос о необходимости

пересмотра отношения к основным принципам системы наказания в современном обществе и реализации этих принципов на практике.

Аболиционисты в криминологии не выступают против любых форм социального контроля, они считают, что основной проблемой является репрессивный, карательный, жесткий контроль над преступностью со стороны государства. Сомнению подвергается моральное право государства преднамеренно и систематически причинять боль людям, исключая их из рядов общества. Кроме того, указывается, что поскольку достижение целей общей и частной превенции в результате назначения и исполнения наказания не подтверждается эмпирически, политика по усилению уголовной репрессии не заслуживает доверия. Аболиционизм не только подвергает критике существующую систему наказания (особенно тюремную), призывает к «депенализации» и декриминализации, но и предлагает использование различных общественных ресурсов для противодействия преступности, неформальные, интегративные формы контроля. В США идеи аболиционизма привели к становлению такого направления, как миротворческая криминология (*reacemaking criminology*), основными представителями её являются Х. Пепински и Р. Куинни¹³.

Обратимся к идеям Н. Кристи, который, анализируя мировые тенденции контроля, пришел к выводу, что пенитенциарные системы тюремных сверхдержав, к которым он относит США и Россию, уходят корнями в систему рабовладения и крепостного строя¹⁴. Борьба с преступностью в них стала индустрией, позволяющей справиться с двумя основными проблемами западного общества: с неравномерным распределением богатства и с неравным доступом к оплачиваемой работе. Эта индустрия

является источником работы и прибыли, а также обеспечивает контроль над лицами, которые могут стать источниками социальных потрясений¹⁵. Борьба с преступностью может перерасти в ГУЛаг западного образца, устраняющий из повседневной жизни значительную часть нарушителей порядка на длительные сроки, а общество пойдет по тоталитарному пути развития.

Анализируя данные о состоянии наказания в экономически стабильных и благополучных странах, Н. Кристи приходит к выводу, что «суровые меры наказания, применяемые к тем, кто не трудится на благо общества, дают возможность увеличивать благосостояние остальных. В остальных промышленных странах тюремное заключение дает возможность контроля над наиболее опасными слоями населения»¹⁶. Широкое распространение института лишения свободы связывается с потребностями и естественным развитием индустриального общества. Массовое тюремное заключение не является исключением из правил и отклонением от стандартов современной цивилизации — оно является порождением, естественным продуктом общества модерна¹⁷.

Идеи, высказываемые Н. Кристи, находят свое подтверждение в статистических данных. Более того, Дж. Прэтт, анализируя современное состояние тюрем в западных странах (США, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии), приходит к выводу, что, возможно, оно выходит за пределы, очерченные Н. Кристи при характеристике индустрии борьбы с преступностью как движения к ГУЛагу западного образца¹⁸.

Проиллюстрировать это положение могут статистические данные о состоянии тюремного заключения в США. По данным Государственного департамента юстиции США¹⁹, в начале XXI века в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов

(не считая следственных изоляторов) содержалось 1 319 000 заключенных, а всего, включая следственные изоляторы, — 2 166 260 заключенных. Кроме того, в США насчитывается 4 299 000 бывших заключенных. Таким образом, в общей сложности 5 618 000 взрослых граждан США или один из 37 взрослых ранее или в настоящий момент отбывают наказание в тюрьме. Бывшие заключенные составляют 77% из их числа, а 33% — те, кто сейчас находятся в местах лишения свободы. Между 1974 и 2001 годом число заключенных увеличилось на 3,8 миллиона. Если уровень первичного тюремного заключения останется неизменным, то 6,6% всех лиц, рожденных в США в 2001 году, в определенный момент своей жизни окажутся в местах заключения. В 2002 году число заключенных выросло на 2,6%, а к середине 2003 года — еще на 2,9%, однако эти показатели ниже, чем средний уровень ежегодного прироста числа заключенных, составлявший 3,6% с конца 1995 года. Наибольший прирост числа заключенных отмечается в федеральных тюрьмах (около 8% ежегодно). В 2001 году уровень заключенных составлял 628 на 100 000 населения без учета следственных изоляторов и 685 — на 100 000, учитывая следственные изоляторы. К середине 2003 года уровень заключенных (включая лиц, находящихся в следственных изоляторах) составил 715 на 100 000 населения.

Наибольший прирост числа заключенных, начиная с 1995 года, наблюдался в 1995–1997 годах, а наименьший — в 2001 году. Уровень освобождений из мест лишения свободы упал к 1995 году по сравнению с 1990, однако вплоть до 2002 года оставался практически неизменным. Абсолютное же число освобожденных из мест лишения свободы ежегодно продолжает расти, что связано с увеличением общего числа заключенных.

К середине 2003 года 6,5% заключенных содержались в частных тюрьмах — как федеральных, так и штатов.

Каждый третий из 10 бывших заключенных находился в возрасте от 35 до 44 лет (1 280 000). Раньше заключенные были старше: 49% бывших заключенных были старше 45 лет. Число лиц, к концу 2001 года находившихся в тюрьме, превышает число бывших заключенных только в одной возрастной группе — от 18 до 24 лет (их численность составляет 254 000 по сравнению с 155 000 бывших заключенных в той же возрастной категории).

Женщины по состоянию на середину 2003 года составляли около 7% всех заключенных. Число женщин, находящихся в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов, возросло на 5%, а число мужчин — на 2,7%. В целом, начиная с 1995 года, число женщин-заключенных увеличивалось в среднем на 5,2%, а мужчин-заключенных — на 3,4%. Однако количество женщин, приговоренных к отбыванию тюремного заключения, был значительно ниже, чем аналогичный показатель у мужчин: 119 на 100 000 женщин по сравнению с 1331 на 100 000 мужчин.

Наиболее высокий уровень тюремного заключения наблюдается у черных мужчин в возрасте от 20 до 39 лет. Среди мужчин в возрасте от 25 до 29 лет 12,8% черных мужчин находятся в местах лишения свободы по сравнению с 3,7% мужчин испанского происхождения и с 1,6% — белых.

У женщин наблюдаются схожие расовые и этнические показатели. В 2003 году вероятность оказаться в местах лишения свободы для черных женщин всех возрастов была в 2,5 раза выше, чем для женщин испанского происхождения, и в 4,5 раза выше, чем для белых женщин.

Поскольку каждый год число заключенных увеличивалось приблизительно на 3,8%, в конце 2002 года исправитель-

ные учреждения федеральной системы исполнения наказаний были переполнены на 33% сверх нормы²⁰. Решением этой проблемы, способом достижения значительной экономии средств и стимулом для развития конкуренции в данной сфере должна была явиться приватизация тюрем. На настоящий момент 31 штат США, а также Пуэрто-Рико имеют законное право заключать контракты с частными корпорациями для передачи им ряда полномочий по исполнению наказаний (на местном уровне или на уровне штата). В США существует около 158 частных исправительных учреждений, в которых в 2002 году содержалось около 6,5% заключенных. Самыми крупными частными компаниями, предоставляющими услуги в области исполнения наказания, являются Американская корпорация исправительных учреждений (Corrections Corporation of America), Корпорация исправительных учреждений Уокенхат (Wackenhut Corrections Corporation), крупной компанией является также Компания Корнелл (Cornell Companies).

В рамках критики современной политики в области наказания значительная роль уделяется анализу участия частных структур в осуществлении наказания, а также полицейских функций²¹. Сторонники приватизации в области исполнения наказания считают, что частные исправительные учреждения имеют ряд преимуществ. Во-первых, они стимулируют конкуренцию, что приводит к улучшению качества содержания заключенных в государственных исправительных учреждениях и качества работы сотрудников государственных учреждений, к постепенному сокращению расходов²². Во-вторых, они позволяют сэкономить бюджетные средства, выделяемые на нужды контроля над преступностью, поскольку содержание частных тюрем обходится значительно дешевле, чем содержание государственных. Как свидетельствуют

данные исследования Вашингтонского центра по изучению общественной политики, в тех штатах, где доля частных тюрем составляет не менее 20%, расходы бюджета на эти цели за 5 лет (1997–2001 гг.) увеличились не так значительно (на 38%), как в других штатах (на 50%)²³. В-третьих, они стимулируют развитие экономики в регионах, поскольку нанимают на работу проживающих в этих регионах, а также пользуются услугами местных организаций²⁴.

Однако частные исправительные учреждения имеют большое количество критиков. Прежде всего, необходимо отметить, что в большинстве сравнительных исследований стоимости содержания частных и государственных тюрем не сделаны однозначные выводы о том, что частные учреждения требуют меньших затрат²⁵. Вызывает сомнение также и качество «услуг», предоставляемых частными исправительными учреждениями — в них чаще, чем в государственных, существуют проблемы с наркотиками, персонал, как правило, менее квалифицирован, не обеспечен должный уровень безопасности (в 1998–1999 гг. из 23 побегов, совершенных из мест лишения свободы, 22 были осуществлены из частных тюрем)²⁶.

Основная критика частных тюрем связана с тем, что, по мнению криминологов, их существование несовместимо с самой целью применения карательных методов контроля над преступностью. Очевидно, что частные тюремные корпорации при осуществлении своей деятельности заинтересованы в получении прибыли, любое сокращение числа заключенных приведет к их финансовым потерям. Следовательно, по всей видимости, эти корпорации будут осуществлять деятельность, направленную на недопущение отмены государственных программ, направленных на усиление государственного контроля над «про-

блемными» категориями населения. Заметим, что на настоящий момент в сфере исполнения наказаний в США заняты более 532 тысяч постоянных работников — это больше, чем в любой из 500 крупнейших компаний мира (кроме Дженерал Моторс)²⁷. Представляется, что существование частных тюрем способствует разрастанию количества заключенных и сотрудников этих учреждений, что укрепляет индустриальный тюремный комплекс.

Аболиционистский подход, как правило, подвергался критике за чрезмерный идеализм и утопичность. Однако аргументы о том, что необходимо стараться избегать использования формальных санкций (если же это не удастся, то санкции должны приводить к минимальному социальному исключению, служить способами компенсации для жертв и способами интеграции правонарушителя в общественную жизнь), стимулировать общественные механизмы социального контроля, считаются достаточно вескими в мировой криминологии²⁸. В последние годы положения аболиционизма получили свое развитие в теории «реинтегративного стыда» (*reintegrative shaming*) Дж. Брейтуэйта²⁹.

Дж. Брейтуэйт высказывал идеи о том, что реакция на преступление должна сочетать порицание и поддержку. Необходимо объяснять значимость тех норм, которые были нарушены, однако происходить это должно таким образом, чтобы правонарушитель почувствовал уважение к себе и заботу. В последнее время все большее распространение в практике контроля над преступностью получает эта теория, а также стратегия восстановительной юстиции, делающая упор на разрешение конфликта между жертвой и преступником с помощью не наказания виновного, а мер, направленных на восстановление того положения, которое существовало до совершения

преступления (например, возмещения ущерба, причиненного в результате корыстного преступления). Результатом является, например, существование такой программы, как восстановительные конференции для несовершеннолетних правонарушителей, заключающиеся в проведении собраний с участием несовершеннолетнего преступника, жертвы, представителей со стороны обеих сторон и специально обученного посредника. Результатом конференции должны явиться извинения со стороны преступника, осознание им тех последствий, которые наступили в результате его поведения, а также соглашение о том, что он должен будет возместить вред³⁰.

Идеи, высказываемые представителями зарубежной критической криминологии, могут быть реализованы и на отечественной почве. Так, начиная с 1997 года, общественным центром «Судебно-правовая реформа» в России начала реализовываться программа восстановительной юстиции³¹. Кроме того, поднимаются вопросы о необходимости существования в России особых систем юстиции для разных категорий правонарушителей, в частности — несовершеннолетних (ювенальная юстиция)³².

Проблемы социального контроля исследуются критическими криминологами не только в рамках аболиционистского направления. Д. Гарланд, М. Тонри, Э. Карри рассматривают, какие факторы оказывают влияние на распространение тех или иных форм контроля над преступностью при различных социальных условиях. Своей целью они видят не только критику карательной направленности государства, но и анализ иных форм участия государства в противодействии преступности.

Политика контроля над преступностью и его определенные стратегии в США и Великобритании в последние десятилетия обуславливаются новым

коллективным опытом столкновения с преступностью и чувством незащищенности перед лицом этой проблемы. Современное же состояние преступности, в свою очередь, объясняется особенностями социального, экономического и культурного устройства капиталистического общества конца XX века³³. Именно признание того факта, что высокий уровень преступности является нормальным явлением, предопределило развитие и изменение различных стратегий контроля над преступностью, обусловило внесение изменений в уголовное законодательство, изменило практику работы правоохранительных органов.

Формы контроля, существующие в современном обществе и поддерживаемые не только представителями государственной власти, но и многими учеными, а также общественностью, не могли бы существовать при других социальных условиях. М. Тонри указывает, что современная политика в области контроля над преступностью связана с применением наказаний, которые не пропорциональны совершенному преступлению. В штате Вирджиния существуют законы, согласно которым несовершеннолетие является отягчающим обстоятельством. Жесткая политика государства обуславливается не столько серьезностью криминальной ситуации, сколько «моральной паникой» (*moral panics*), существующей в обществе³⁴. У населения складывается мнение, что ситуация с преступностью является более серьезной, чем она есть на самом деле. Отношение к наказанию является двойственным: с одной стороны, общественность недооценивает суровость наказаний, применяемых к преступникам, с другой стороны, — считает, что необходимо активнее реализовывать программы по реабилитации.

Деятельность представителей критического направления связана не только с

оценкой существующих мер по контролю над преступностью. В рамках критической криминологии разрабатываются и новые подходы, стратегии противодействия преступности. Э. Карри предложил использовать экологический подход (стратегия воздействия на преступное поведение на уровне непосредственного социального окружения). Для реализации этой стратегии необходимо введение ранних образовательных программ, развитие медицинской помощи для лиц (особенно детей), страдающих психическими заболеваниями и наркоманией, создание программ, воздействующих на семью. Кроме этого, необходимо проводить мероприятия на общесоциальном уровне — сокращать социальное неравенство и нищету, менять политику, связанную с регулированием рынка занятости, с поддержкой семьи³⁵.

Проблемы политики контроля над преступностью и его эффективности чрезвычайно актуальны для современной России. Анализ и критике системы наказания посвящены работы Я. И. Гилинского, С. Ф. Милюкова, Д. А. Шестакова, а также ряда других современных отечественных криминологов³⁶. В России отмечается «кризис наказания»: страна находится на втором (после США) месте в мире по числу заключенных в расчете на 100 тысяч населения; следственные изоляторы и колонии переполнены в 1,1–2,3 раза по сравнению с нормативами; около 75 тысяч заключенных больны туберкулезом, около 35 тысяч — ВИЧ-инфицированы (по данным на 2004 г.)³⁷. Зарубежные исследования причин мирового кризиса наказания способствуют лучшему пониманию отечественных проблем в этой области. Представляется, что подробный анализ достижений критических криминологов может способствовать реформированию и повышению эффективности работы уголовно-исполнительной системы в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Levitt S.* Understanding Why Crime Fell in the 1990s: Four Factors that Explain the Decline and Six that Do Not // *Journal of Economic Perspectives*. 2004, 18 (1), P. 163–190.

² *The Sage Dictionary of criminology*. 2nd. Edition / Edited by McLaughlin E., Muncie J. London: Sage Publications, 2006. P. 87.

³ *Mathiesen T.* The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // *Scandinavian Studies in Criminology*. Oslo, 1974.

⁴ *Young J.* Breaking Windows: Situating the New Criminology // *The New Criminology Revisited* / Ed. by P. Walton and J. Young. London: Macmillan Press, 1998. P. 16.

⁵ *Ледяев В. Г.* Власть: Концептуальный анализ. М., 2001. С. 54.

⁶ *West D.* The contribution of continental philosophy // *A companion to contemporary political philosophy*. P. 60.

⁷ *Подорога В. А.* Указ. соч. С. 235.

⁸ *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999, С. 43.

⁹ Там же. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 387–392.

¹¹ Там же. С. 396–397.

¹² Там же. С. 411.

¹³ *Pepinsky H., Quinney R.* (Eds.) *Criminology as peacemaking*. Bloomington: Indiana University Press, 1991.

¹⁴ *Кристи Н.* Приемлемое количество преступлений. СПб., 2006. С. 84.

¹⁵ *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. Предисл. Я. Гилинского. 2-е изд. М., 2001. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 179.

¹⁷ *Pratt J.* Beyond ‘Gulags Western Style’? A Reconsideration of Nils Christie’s Crime Control as Industry // *Theoretical Criminology*. 2001. Vol. 5 (3). P. 285.

¹⁸ *Ibid.* P. 306.

¹⁹ См.: *Bonczar T.* Prevalence of Imprisonment in the U. S. Population, 1974–2001. Washington, DC: U. S. Department of Justice, 2003. P. 1–12; *Harrison P., Beck A.* Prisoners in 2002. Washington, DC: U. S. Department of Justice, 2003. P. 1–12; *Harrison P., Karberg J.* Prison and jail Inmates at Mid-year 2003. Washington, DC: U. S. Department of Justice, 2004. P. 1–14.

²⁰ *Harrison P., Beck A.* Op. Cit. P. 1–12.

²¹ См.: *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Указ. изд. С. 139–146; *Logan C.* Private Prisons: Cons and Pros. Oxford: Oxford University Press, 1990.

²² См.: *Blumstein J., Cohen M.* The Interrelationship between Public and Private Prisons: Does the Existence of Private Management Affect the Rate of Growth in Expenditures on Prisoners under Public Management? Association of Private Correctional and Treatment Organizations, 2003. Retrieved from: <http://www.apcto.org/logos/study.pdf>; *Segal G., Moore A.* Weighing the Watchmen: Evaluating the Costs and Benefits of Outsourcing Correctional Services. Study №. 290. Reason Public Policy Institute, 2002. Retrieved from <http://www.rppi.org/ps290.pdf>

²³ *Guppy P.* Private prisons and the Public Interest — Improving Quality and Reducing Cost through Competition. Washington Policy Center, 2003.

²⁴ Corrections Corporation of America. Facility Tour, 2003. Retrieved from <http://www.corrections-corp.com/tour.html>

²⁵ См.: *Archembeault W., Deis D.* Cost Effectiveness Comparisons of Private versus Public Prisons in Louisiana: A Comprehensive Analysis of Allen, Avoyelles, and Winn Correctional Centers. Louisiana State University, 1996. Retrieved from <http://www.ucc.uconn.edu/~wwwsoci/exsumla.html>; United States General Accounting Office. Report to the Subcommittee on Crime, Committee on the Judiciary, House of Representatives. Private and Public Prisons. Studies Comparing Operational Costs and/or Quality of Services. 1996. Retrieved from <http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/multidb.cgi>; *Hart O., Shleifer A., Vishny R.* The Proper Scope of Government: Theory and Application to Prisons // *The Quarterly Journal of Economics*, 1997; *Volokh A.* A Tale of Two Systems: Costs, Quality and Accountability in Private Prisons // *Harvard Law Review*. 2002. Vol. 115. №. 7. P. 1868–1891.

²⁶ *Camp S., Gaes G.* Growth and Quality of U. S. Private Prisons: Evidence from a National Survey // *Criminology and Public Policy*. 2002. Vol. 1, № 3.

²⁷ *Parenti C.* The Prison Industrial complex: Crisis and Control. September 1, 1999. Retrieved from <http://www.corpwatch.org/issues/PID.jsp?articleid=852>

²⁸ *Swaaningen R. Van.* Critical Criminology: Visions from Europe. London, Sage Publications, 1997. P. 205.

²⁹ См.: *Braithwaite J.* Crime, Shame, and Reintegration. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; *Брейтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение / Пер. с англ., под ред. М. Флямера, коммент. Я. Гилинского. М., 2002.

³⁰ См.: *McGarrell E.* Restorative Justice Conferences as an Early Response to Young Offenders // Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention *Juvenile Justice Bulletin*. Washington, DC: US Department of Justice, August 2001. P. 1–11.

³¹ Подробнее о реализации программы см.: *Вестник восстановительной юстиции (Правовое обеспечение практик восстановительной юстиции)* М., 2003. Вып. 5; *Жертва встречается с преступником. (Проведение программ восстановительного правосудия в тюрьмах)* / Под ред. С. А. Пашина, Р. Р. Максудова М., 2002.

³² См.: *Мельникова Э. Б.* Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учеб. пособие. М., 2000.

³³ *Garland D.* The culture of high crime societies // *The British Journal of Criminology*. 2000. Vol. 40. P. 347.

³⁴ См.: *Tonry M.* Rethinking Unthinkable Punishment Policies in America // *UCLA Law Review*. 1998–1999, Vol. 46. P. 1751–1791.

³⁵ *Currie E.* Confronting Crime: Looking Toward the Twenty-First Century // *Justice Quarterly*. 1989. Vol. 6. № 1. P. 5–25.

³⁶ *Бурлаков В. Н., Милюков С. Ф., Шестаков Д. А.* Кризис системы и реформа уголовного законодательства // *Вестник СПбГУ. Сер. 6. Вып. 3 (№ 20)*. С. 130–133; *Гилинский Я. И.* Кризис системы уголовных наказаний // *Социологические исследования*. 1993. № 8. С. 70–74; *Милюков С. Ф.* Российская система наказания. СПб., 1998; *Милюков С. Ф.* Система наказаний по уголовному кодексу России. СПб., 1999; *Милюков С. Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 149–211; *Старков О. В., Милюков С. Ф.* Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001; *Шестаков Д. А.* Функции наказания по Уголовному кодексу Российской Федерации 1996 года // *Социальный контроль над девиантностью в современной России* / Научн. ред. Я. И. Гилинский. СПб., 1998. С. 119–130; *Шестаков Д. А.* Синдром Понтия Пилата в реформе уголовного законодательства // *Актуальные вопросы реформы уголовного законодательства*. Тарту, 1989. С. 66–70

³⁷ См.: Тюремное население России в 1993–2004 гг. 01.09.2006 <http://www.prison.org/penal/stat/doc015.htm>